

## ИНОАФИША

Журнал и сцена (прил. к Сов. культуре) - 1990 - 27 дек. (№ 52) - с. 12

**В СССР закончились съемки совместного советско-американского фильма «Русский дом» по одноименному роману Ле Карре.**

Пока для читателей экранизированный сюжет книги не приобрел реальные киноочертания, рискнем предположить: события, выстроенные романистом по канонам первоклассного детектива, одинаково близки народам двух стран. Ибо социальное явление — шпионаж — отлично поставлено не только на богатом американском континенте.

Не менее, однако, «социальным» можно назвать и то, что произошло на съемочной площадке фильма с одной из его участниц, американской актрисой Мишель Пфайффер.

Оказывается, Мишель Пфайффер бастовала. Ушла однажды с работы, пригрозив, что не вернется до тех пор, пока не будут удовлетворены ее требования.

Точнее, одно.

Мишель Пфайффер настаивала на том, чтобы советские статисты — участники массовок в фильме «Русский дом» — допущены были до стола, за которым кормились артисты западные — сама же Мишель, Шон Коннери, Класус Мария Брандауэр и другие.

Есть, выясняется, правило — так Мишель, играющая в «Русском доме» Кати Орлову, объяснила американским журнали-

## ИНТЕРЕСНАЯ ДЕТАЛЬ

стам, — которое запрещает западным кинофирмам кормить советских статистов. Западные кинофирмы, в том числе и та, которая делала в Советском Союзе экранизацию романа Ле Карре, тоннами, насколько я понимаю, завозили и завозят продукты из Финляндии и прочих

В гостиницу к ней поспешили сотрудники Госкино. Уговаривать. И объяснить, что так, мол, у нас, в Советском Союзе, принято, так у нас делается.

«Я не спала всю ночь, — рассказывает актриса, — происшедшее травмировало меня... Я потом поняла,

манию Кати Орловой, которая в романе Ле Карре — и в фильме — один из четырех основных персонажей. «Я уяснила для себя, — говорит Пфайффер, — что советская женщина куда более пассивна, чем женщина американская, что советское обще-

как «Русского дома», но все же шесть недель, проведенных в России, сделали из нее, по собственному ее признанию и по наблюдениям тех, кто хорошо ее знает, другого человека. Журналисту, бравшему у Пфайффер интервью раньше, она все время повторяла, что «жизнь ее ей больше не принадлежит. Каждую минуту каждого дня ты чувствуешь себя так, словно миллионы глаз сосредоточены на тебе. Тебе просто не разрешают быть самим собой. Я ненавижу такое состояние, не знаю, как долго смогу я это выдерживать».

Сказано это было до того.

А теперь, подчеркивает журналист. Мишель стала «солнечнее», и перемена, с ней происшедшая, безусловно, связана со съемками в России. Об этом можно говорить уверенно.

Сама актриса с этим не спорит. «Когда ты отказываешься от своего «я», — подтверждает она, — ты меняешься. Потом твое «я» к тебе возвращается, но уже в более простом, в более чистом виде... Я пришла к тому, что уже больше не знала, кто я. Я избавилась от всякой дребедени, что была во мне. Осталось же главное, суть».

Это, так сказать, философское объяснение. Есть, наверное, и более приземленное, бытовое: станешь, конечно, солнечнее, если не нужно больше гоняться по всему городу за спагетти...

**Александр ШАЛЬНЕВ.**

(Соб. корр.

«Известий» — специально для «ЭС»).

НЬЮ-Йорк.



# ЗАБАСТОВКА В «РУССКОМ ДОМЕ»

соседних стран, дабы обеспечить западным актерам, продюсерам, режиссерам, операторам, гримерам, костюмерам, осветителям надлежащий гастрономический климат.

Гуманный акт, можно сказать: нельзя же и в самом деле западных наших друзей обречь на среднестатистическую советскую диету.

Узнав, что есть запрет и что советским статистам не удастся попробовать — цитирую интервью, которое Мишель дала журналу «Эскуайер», — дымящееся спагетти, актриса ушла со съемок.

что поступала типично по-американски, делала то, за что нас, Америку, всегда ругают. Проблема не в том, права я была или нет. Проблема была в том, имею ли я, человек со стороны, право навязывать другим свои настроения».

На следующее утро Мишель забастовку прекратила. «В какой-то момент, — продолжает она, — я решила оставить свое «я» за воротами. Именно в этот момент начала ощущать, чувствовать Россию такой, как она есть».

С точки зрения актрисы, это решение оказалось для нее ключом к пони-

ство по-прежнему весьма патриархально».

И еще — если судить по интервью в «Эскуайер», — Мишель поняла, впервые в своей жизни, что значит сдаваться, отречься от надежды. «В моей жизни были падения. Но я никогда не бросала надежды. В России я пробыла шесть недель. Добраться от одного места до другого — мучение. Чтобы попасть домой, надо уламывать таксиста. Тебя охватывает чувство, что ты не имеешь никакого контроля ни над чем».

Хотя и подвергла себя этому Пфайффер на съем-